

Библиотека Анархизма

Антикопирайт

Рудольф Роккер
Национализм — источник опасности!
1953

Скопировано 23 декабря 2014 года с
http://avtonom.org/old/lib/theory/rocker_nazio.html
(Der Nationalismus – eine Gefahrenquelle;
Aufsatzsammlung, Band 2, 1949-1953) **Перевод с
немецкого — Ndejra.**

ru.theanarchistlibrary.org

Национализм — источник опасности!

Рудольф Роккер

1953

В истории человечества не было, пожалуй, эпохи, в которую единодушное и свободное от предрассудков взаимодействие всех народов было бы так необходимо, как сейчас, чтобы противостоять величайшим проблемам века, от решения которых зависит судьба всех. Все проблемы, которые вздымаются перед нами сегодня, разрослись до мировых проблем, и их нельзя ни обойти, ни одолеть политическим нейтралитетом. Каждая попытка отдельных народов в этом направлении приведёт только к новым неверным выводам и увеличит опасность, которая окружает нас сегодня со всех сторон. Большинство людей уже имеют представление о шаткости современных условий, но очень маленькое меньшинство на сегодняшний день отчётливо распознало, что новая и, возможно, более страшная катастрофа, которой когда-либо подвергалось человечество, может быть предотвращена только решительным отрицанием старых путей силовой политики государств и национального ослепления народов.

В чём мы сегодня срочно нуждаемся – это незамутнённый и широкий взгляд на общественные необходимости ближайшего будущего и ясное понимание того, что вопросы, к решению которых мы принуждены сегодня, простираются далеко за политические границы государств и не могут быть решены в духе националистских понятий. До немецко-французской войны 1870/71 гг. и растущей милитаризации Европы националистские стремления «Молодой Европы» и вера в неприкосновенность суверенитета маленьких государств были ещё понятны; но это радикально изменилось, когда начались военные союзы крупных государств, которые расщепили континент на враждующие лагеря и посредством постоянного вооружения сделали опасность войны постоянной, что могло привести только к общественной катастрофе и, по своему принципу, должно иметь своими последствиями новые катастрофы, куда сами народы не воспротивятся этому обстоятельству. Даже те народы, которые были подчинены чужой власти до конца первой мировой войны и на протяжении многих лет добивались национальной независимости, которой они теперь добились, не смогли этим ничего выиграть и почти все угодили в положение, оказавшееся для них, политически и экономически, ещё более давящим. Из новых государств, развившихся после первой мировой войны на востоке Европы, только Чехословакия, которая образовалась из бывших австрийских провинций Бёмен, Мэрен, Шлезия и некоторых небольших областей, могла похвастаться успехами. Хотя чехи и были в этом новом государстве самой большой группой населения, но не составляла и половины пятнадцатимиллионного населения, в то время как 8 миллионов составляли словаки, немцы, венгры, румыны и более мелкие этнические группы. И если маленькая страна, тем не менее смогла так быстро выбраться наверх, то благодаря, большей ча-

стью, двум обстоятельствам: она обладала большим количеством полезных ископаемых и представляла собой ещё до отвоёванной независимости важнейшую индустриальную область Австрии. К тому же чехи могли опираться на старые демократические традиции и нашли в Мазарике духовного лидера, который никогда не находился под влиянием панславянских идей или мировоззрения немецкой философии и черпал свои федералистские и либеральные убеждения из западных источников. Он действительно позаимствовал многие идеи у Джефферсона и обладал некоторым сходством с Пием Маргаллом, выдающимся борцом за федерализм в Испании. А все другие страны, которые тогда отвоёвывали себе независимость, как в политическом, так и в экономическом смысле провели невыгодную сделку, которая значительно ухудшила их положение, не принеся им ни малейших выгод, о которых они так долго мечтали. Каждое из этих государств принадлежало раньше к определённому экономическому региону и было вынуждено организовывать собственную экономику и приспособлять её к новым политическим условиям. Это, однако, оказалось трудным, ибо те страны на востоке Европы ещё до их национального освобождения были вынуждены жить в очень тяжёлых экономических условиях и их условия жизни в целом были на более низком уровне, чем в большинстве западных стран континента. При таких условиях, которые, к тому же, значительно ухудшились общим экономическим кризисом после первой мировой войны, они не были способны к переориентировке своей экономической жизнедеятельности и всё глубже увязали в состоянии хронического кризиса, который ещё более ухудшал их и без того плачевные жизненные условия.

Но политические и социальные права и свободы, которые ожидалось от национального освобождения, вскоре оказались пустой иллюзией, не стоящей и фальшивой мо-

неты, так как в большинстве случаев собственное иго, которое народы водружали сами на себя своей, якобы, национальной независимостью, оказывалось ещё более угнетающим и невыносимым, чем то, которого они ещё недавно избежали. Ни один человек, обладающий политической проницательностью, не осмелится сегодня утверждать, что Польша под властью Пислудского и диктатурой генералов наслаждается большими политическими свободами, чем ранее, под русским царизмом и прусской и австрийской монархиями. Венгрия, завоевавшая численным превосходством своего населения и благодаря революционным настроениям 1848/49 гг. некоторые политические права и преимущества при Габсбургской монархии, потеряла при национальной диктатуре Хортны и последние остатки своих былых свобод. Подобное происходило в Югославии и большинстве мелких государств, которые втиснулись в ряды самостоятельных государств после первой мировой войны.

Однако сегодня почти все те молодые государства, вместе с более старыми на востоке Европы, являются ни чем иным, как сателлитами кремлёвских диктаторов и полностью потеряли всякую политическую самостоятельность, которой обладали, так что не могут даже сопротивляться, когда тысячи их жителей насильно увозятся в Россию, чтобы служить российскому государству в виде рабов в концлагерях. Если бы были ещё нужны доказательства тому, что предполагаемая национальная независимость не даёт ни малейшей защиты от силовой политики более могущественных сосоудей, то минувшая мировая война должна была бы разрушить слепую веру в такую возможность, если бы народы были вообще в состоянии внять этому уроку, к сожалению, малопонятому до сегодняшнего дня.

Так же и Чехословакия не могла избежать своей судьбы, хотя и находилась в более выгодных условиях, чем другие

любой момент из-за внешних и внутренних политических интриг, что, в конце концов, и действительно случилось.

Мы стоим сегодня на границе нашей истории, там где узколобый национализм больше не может нам помочь, ибо он абсолютно неспособен ответить на сегодняшнюю ситуацию. Своим фанатическим ослеплением он может только подливать масла в огонь силовой политики и продолжать старую игру, в которой есть только преданные граждане и наталкиваемые друг на друга народы.

новые государства. После того, как великие державы её позорно сдали и Гитлер использовал те же самые национальные устремления, благодаря которым чешское государство и существовало, чтобы возмутить немецкие, словацкие и другие меньшинства того же государства против Праги, тем что он пообещал им национальное освобождение, чтобы можно было их ещё лучше использовать для своих политических планов, судьба Чехословакии была предрешена. Даже поражение Гитлера не могло ей больше помочь, так как оно вызвало только перемену ролей и позволило Сталину ещё основательнее продолжить то, что начал Гитлер. Индийский философ Раблндарат Тагор как-то сказал: «Нация – одно из самых действенных наркотических средств, которые когда-либо изобрёл человек. Под воздействием его испарений целый народ может систематически исполнять программу своего неприкрытого эгоцентризма, ни сколько не подозревая о своей моральной испорченности.» Тагор называл национализм учением «организованного» эгоизма и попал этим в яблочко: так как только под одеждами национализма можно скрыть всё. Национальный флаг покрывает любую несправедливость, любую бесчеловечность, любую ложь, и если надо, любое преступление. Коллективная ответственность удушает всякое чувство справедливости у отдельных личностей и заводит человека так далеко, что он совсем не замечает совершённой несправедливости и даже восхваляет как доблесть, если она совершается в интересах нации. Поскольку приверженцы националистских взглядов стремятся видеть только то, что отделяет их от остальных, то они никогда не забывают несправедливости, совершённой по отношению к ним, однако, всегда готовы причинить тот же вред другим, если это принесёт выгоду их устремлениям. Это – та узколобость в мышлении, которая присуща всем национальным движениям и постоянно побуждает своих после-

дователей расценивать каждое мировое событие с точки зрения своей маленькой группы. Эти ограниченные убеждения не только делают их неспособными рассматривать без предубеждения огромные проблемы, имеющие одинаковое значение для всех народов, они так же и причина, по которой как раз национальные движения небольших народов могли быть так часто использованы властью имущими крупных государств для продвижения собственных политических интересов при подтасовке фактов. Ещё Наполеон Первый с большим успехом пытался использовать национальные движения в своих собственных политических планах. Внешняя политика лорда Пальмерстона в целях сохранения «политического равновесия» на континенте опиралась на него, якобы, симпатии делу национальных меньшинств под чужим игом, что совсем ему не мешало подло подставить их, когда они срочно нуждались в помощи. Наполеон Третий, который охотно показывал себя защитником национального единства Италии, оставался тем не менее хорошим строителем своих интересов и ни секунды не колебался при присоединении Савойи и Ниццы к Франции, как только настал удобный момент. Гитлер только следовал по стопам своих предшественников, когда он использовал национализм как приманку, чтобы заманить в ловушку, тех, кто был настолько глуп, чтобы поверить его заверениям. После его свержения, роль смееющегося наследника досталась Сталину, продолжающему сегодня ту же обманчивую игру, чтобы обмануть слепые массы, которые так ничему и не научились, как и многие до них. Самое постыдное – это то, что эта фальшивая игра расчётливой лжи и гнусного лицемерия всё ещё в силе отуплять подхлестываемые массы, которые при этом полагают, что служат собственным интересам, и не подозревают, что используются только как пешки в другой игре. Кто в действительности оценивает внешнеполитиче-

мое панарабское движение, бывшее в начале решительно пробританским, отчётливо разделилось на антибританский и антифранцузский лагерь. Это было особенно ясно, когда Муссолини представился в своей знаменитой речи защитником исламского мира и пытался с помощью радио-пропаганды из Рима привлечь арабов на свою сторону. И он достиг успеха, так как мелкие арабские власти тогда восхищённо смотрели на фашистскую Италию, как они сегодня восхищённо смотрят на Сталина. Это – одна из самых слабых и опасных сторон любого национализма, какие бы имена он не носил. В своём слепом твердолобии, которое постоянно привязано к узким интересам одной определённой группы людей, его носители всегда готовы кинуться в какое-нибудь политическое приключение, которое манит их фальшивыми надеждами и лживыми обещаниями, ни сколько не заботясь о том, что они помогают этим развитию самой brutальной реакции, которая приведёт к гибели не только всего человечества, но и их собственных устремлений. В этом случае это было показано с неприкрытой ясностью. Если позиция мелких арабских князей во время второй мировой войны была для союзников довольно невыгодной, то после основания Израильского государства она превратилась в непримиримую вражду, которая разрастается сегодня всё более и более в непримиримую ненависть против всех чужаков. А это как раз то, в чём мы менее всего нуждаемся в современной опасной ситуации, так как слепой фанатизм не только препятствует всякой возможности взаимопонимания, он может в сегодняшних условиях легко вызвать новую катастрофу, чьи последствия необозримы. Действительно, сегодня на Ближнем Востоке создались обстоятельства, как тогда, на Балканах, бывших открытой пороховой бочкой на протяжении десятилетий, которая могла взорваться в

турецкому государству. Но когда Турция с началом войны встала на сторону Германии и Австрии, сэр Генри Макмахон связался в октябре 1915 года по заданию британского правительства с Эмиром Хуссейном, шарифом Мекки, и объявил ему, что его правительство готово выступить за национальную независимость всех арабских народов от Красного до Средиземного моря, то есть Аравии, Сирии и Месопотамии, за исключением некоторых областей. Это и было настоящим началом панарабского движения и Арабской Лиги. При всех этих событиях сами народы никто не спрашивал, чьё подавляющее большинство вообще не понимало внутренних обстоятельств этой игры, в которой им отводилась лишь роль немых соучастников, как статистам на сцене театра. Это были договорённости между одной европейской державой и горсткой мелких восточных княжеств, которые уж точно не обращались со своим народом лучше какого-нибудь чужеземного правителя.

Не стоит забывать, что весь арабский национализм существовал благодаря всего лишь маленькой интеллектуальной прослойке и поддерживался мелкими арабскими властителями, так как они полагали, что их династийные интересы могут от этого выиграть, при чём сильнейшие из них постоянно были одержимы желанием рано или поздно использовать новую идею арабского братства для завоевания гегемонии во всём мире. Народы не играли при этом вообще никакой роли. Факт то, что во всех новых арабских государствах, не смотря на их официальную независимость, духовное и материальное положение широких масс никак не изменилось.

Но после первой мировой войны были выполнены совсем не многие из британских обещаний. Во время переговоров о мире Англии достался мандат на управление Ираком, Палестиной и Трансиорданией, а мандат на Сирию достался Франции. Следствием было то, что так называе-

ские устремления Сталина и кремлёвских мужей только по резолюциям искусственно организованных конференций мира и по заверениям международной коммунистической прессы, мог бы действительно поверить, что русским властителям больше нечего делать, как освободить народы Азии и Африки от последних остатков «западного империализма» и защищать их национальную независимость. Против такого, достойного похвалы, предприятия, само собой, невозможно было бы возражать, ибо эпоха колониальной политики отнюдь не была страницей славы и, несомненно, принадлежит к темнейшим главам современной истории. Но только немногие задаются вопросом, почему Сталин и его последователи не действуют в России по тому же рецепту, который они так щедро выписывают другим, или что осталось бы от могучего русского государства, которое занимает более одной шестой части суши, если бы его экспансионистская политика была бы измерена той же мерой, что и западного империализма. Маленькое Московское княжество, развившееся в 13-ом столетии, и из которого позднее вышло сегодняшнее российское государство, было довольно скромным началом. И это маленькое государство в течение четырёх столетий покорило не только все балтийские государства, области от Северного Ледовитого океана до Чёрного моря, Польшу, Киевское княжество, Украину и кавказские регионы; оно так же постепенно присоединило к себе большие территории в центральной Азии и всю огромную страну от Урала до Тихого океана, хотя большинство подчинённых народностей, как по языку, так и по происхождению состояли с собственно русским народом не в большем родстве, чем народы Индии, Бурмы, Индокитая, Миланезии и всего арабского мира в Азии и Северной Африке с Англией, Францией, Италией или Голландией.

Если бы все народы, которые сегодня насильственно подчинены русскому государству, обладали правом отделения от СССР, то, пожалуй, от этой могущественной политической конструкции осталось бы очень мало. Но это ещё не всё: когда после русской революции и путча большевиков в ноябре 1917 года, среди подчинённых России народов стали заметны сильные движения за независимость, тогда ещё слабое правительство Ленина было вынуждено признать и торжественно подтвердить национальную независимость этих различных народов.

Так мы читаем в тартском договоре между Эстонией и Советским Союзом от второго февраля 1920 года: «В соответствии с тем принципом, что каждый народ имеет право распоряжаться своей судьбой и полностью отделиться от государства, которому он ранее подчинялся, Советская Федеративная Социалистическая Республика объявляет, что Россия безоговорочно признаёт независимость и автономию государства Эстония и дровольно сдаёт все свои права суверенитета над эстонским народом и территорией, и что все подобные права, бывшие в силе в связи с существовавшей официальной ситуацией и международными договорами, перестают действовать с сегодняшнего дня.» Так же и договоры с Литвой в ноябре 1917 и Латвией в 1918 году были составлены почти в тех же словах. Сегодня мы знаем, что все эти договоры не стоили и бумаги на которой были торжественно провозглашены. Эстония, Латвия и Литва сегодня порабощены под советским владычеством более, чем были при царизме. Социалистическая Кавказская Республика была задавлена в самом начале силой оружия; Финляндия живёт сегодня под угрозой русского штыка, большая часть Польши снова принадлежит России и её меньшая часть управляется сегодня на подобие русской провинции, как и все государства-сателлиты на востоке Европы. Все договоры, которые были заключе-

ны Советским Союзом касательно этого, один за другим нарушаются Сталиным. Россия не только значительно разрослась после второй мировой войны, и сегодня больше, чем была когда-либо при царизме, она так же значительно продвинулась на запад, как это не удавалось ни одному русскому царю, не говоря уже об огромном влиянии, которое она приобрела в Азии. Стоит полагать, что страна, развившаяся в ходе истории за счёт других народов в самое большое государственное образование мира, никак не годится к тому, чтобы играть в адвоката национально-го освобождения угнетённых народов. Но мужи в Кремле знают точно, что они могут предложить сегодняшнему хаотичному миру, и их неустанная пропагандистская машина постоянно находит новые лозунги, чтобы обмануть неведающие массы и скрыть свои действительные намерения.

Вся неразбериха, охватившая весь исламский мир от Марокко до Ирана, является замечательным примером того, как такие события могут быть искусственно вызваны чужими нащёптываниями. Если бы в этом случае речь действительно шла о восстании угнетённых народов, которые пользуются удобным случаем, если не за тем, чтобы добиться социального освобождения, то хотя бы, чтобы достичь лучших условий жизни, то можно было бы только пожелать им удачи. Но, к сожалению, речь идёт не о том. Весь арабский национализм был с самого начала искусственной конструкцией, за чьё возникновение стоит скорее благодарить внешнюю политику враждующих европейских держав, чем реальные устремления многочисленных арабских народов. Племенам бедуинов, которые представляют собой довольно большие части населения во многих арабских странах, понятие национализма было чуждым уже потому, что они, как кочевники, вообще не имеют постоянного места жительства. Большинство арабских народов до первой мировой войны были подчинены